

В воздухе, пропитанном горьковатым, но мягким ароматом шалфея, лицо Хуа Юна помрачнело.

— Зачем ты назвал его вонючим? — спросил он.

Шэнь Вэньлан, не меняясь в лице, бросил на него холодный взгляд:

— Сказал, что вонючий, значит, так и есть. Какое тебе до этого дело? — Он с раздражением пнул чемодан Хуа Юна. — Ты закончил с переездом? Я ухожу.

Хуа Юн понимал, почему Шэнь Вэньлан так вспыльчив, но сейчас он не мог думать об этом — его собственное состояние пугало его гораздо сильнее.

Он испытал то, чего раньше никогда не знал.

Хуа Юн пожалел.

Когда Гао Ту, отчаянно пытаясь скрыть безнадежность, через силу улыбался и здоровался; когда он, бледный как полотно, кланялся Шэнь Вэньлану, извиняясь; когда он, не в силах больше играть свою роль, в смятении бежал прочь — Хуа Юн жалел.

Снова и снова.

Раз за разом.

Он жалел о своей злой шутке, когда, зная о чувствах Гао Ту к Шэнь Вэньлану, специально вывел на экран уведомление, намекающее на двусмысленный звонок. Он знал, как тот убит горем, но всё равно одарил его фальшивой, чистой улыбкой, делая вид, что ничего не понимает.

Он жалел, что выпустил феромоны, спровоцировав раннюю течку у Гао Ту, который так тщательно скрывал свою натуру. Приступ был таким сильным, что даже блокаторы не помогали, вынудив того взять пятидневный отпуск.

Он жалел, что уничтожил резервные копии файлов, заставив измученного Гао Ту тащиться на верхний этаж жилого дома без лифта, чтобы доставить документы, обливаясь потом от слабости.

Он жалел, что нарочно подстроил переезд Шэнь Вэньлана, из-за чего растерянный и униженный Гао Ту невольно услышал жестокие слова, слетевшие с языка Шэнь Вэньлана.

...Унижения повторялись. Сначала перед Хуа Юном, потом — перед Шэнь Вэньланом.

Гао Ту изо всех сил старался держаться, но знал, что боль и жар лишили его всякой воли.

В полузабытьи он зашел в ванную, включил душ, пытаясь отмыться, но даже пар не мог перебить запах шалфея — его истинный запах омеги.

Из-за близости к Шэнь Вэньлану во время течки, запах альфы того, кого он любил, заставил его глаза неконтролируемо покраснеть.

Гао Ту знал: эта краснота — не только от жажды, но и от безнадежности.

Забыв о предписаниях врача, он ввел себе ледяной блокатор. Жидкость разлилась по венам, и этот холод на мгновение принес ясность: нельзя смешивать с обезболивающим.

Зажатый между холодом, жаром и болью, Гао Ту свернулся калачиком. Переждав приступ, он, измотанный, дополз до спальни и рухнул на кровать.

Он крепко обнял себя, погружаясь в беспокойный сон. Перед тем как сознание окончательно померкло, в туманном взоре ему почудился чей-то силуэт.

Он и подумать не мог, что это Хуа Юн.

Никто бы не подумал. Даже сам Хуа Юн.

Он нашел район, где жил Гао Ту, следуя данным, которые когда-то мельком просматривал. Затем, ориентируясь на запах шалфея, нашел его дом. Поступив как простодушный человек, достал запасной ключ из старого почтового ящика у двери. А потом вошел в незапертую спальню, где негде было спрятаться, и оставался там, пока аромат орхидей не заполнил комнату, окутывая и успокаивая измученного Гао Ту.

Лишь когда Гао Ту стало лучше, Хуа Юн перестал излучать успокаивающие феромоны, поправил одеяло и, погруженный в глубокие раздумья, поднялся и ушел.

Если раньше Хуа Юн считал свои действия подачкой, призванной вывести Гао Ту из оцепенения, то теперь он понял: это было наказание за его высокомерие, обрекающее его самого на осознанное падение в бездну.

Хуа Юн был энигмой: сильным, трезвым и расчетливым. Единственной его оплошностью была та сцена в больнице Хэцы, когда он разыгрывал случайную встречу со Шэн Шаою, чтобы заставить того оплатить счет и создать повод для дальнейшего общения. В тот момент он случайно назвал номер палаты сестры Гао Ту.

Чан Юй тогда сказал, что это неосмотрительно и может вызвать подозрения.

Хуа Юн помнил свой ответ: спасти жизнь, играя с судьбой, — разве это не доброе дело?

Но теперь, шагая прочь от дома Гао Ту, Хуа Юн понял, что ошибался. Это была не оплошность.

Это была мягкость сердца, влечение, жалость и даже ревность — первые ростки любви.

Он осознал слишком многое:

Например, что хотел не разоблачить Гао Ту, а помочь ему выбраться из омута самобичевания.

Что завидовал холодному и резкому Шэнь Вэньлану, который, несмотря на свою ледяную натуру, получал всю страстную преданность Гао Ту.

Что ему нравилось внимание Гао Ту, даже если оно было вызвано вымышленным сходством их

судеб.

Если раньше маскировка была ахиллесовой пятой Гао Ту, то теперь всё изменилось.

Маскировка стала его броней.

И Хуа Юн не смел к ней прикоснуться.

Ведь он прекрасно понимал: если стена, отделяющая Гао Ту от его чувств к Шэнь Вэньлану, рухнет, это станет ахиллесовой пятой уже самого Хуа Юна.

Он знал: тому, у кого ничего нет, нечего терять, но сложный человек всегда хочет получить больше.

И еще он знал: если раньше он хотел лишь взглянуть, то теперь — он хотел остаться.

— В-все оплачено? — Гао Ту не верил своим ушам. — Может, кто-то перепутал номер палаты?

Кассир, чью компетентность поставили под сомнение, обиженно ответила:

— Нет, это невозможно. Палата вашей сестры относится к отделению для семей сотрудников группы HS. Все трое господ, что приходили оплачивать счет, были очень статными альфами S-класса, я их хорошо запомнила. Я перепроверяла номер палаты несколько раз, ошибки быть не может! Денег хватит даже на второй этап лечения и последующую реабилитацию...

Трое? Статные альфы S-класса?

В голове Гао Ту, кроме красивого, сурового и до невозможности привлекательного лица Шэнь Вэньлана, никого не было.

Кто же еще? Он перебил кассира, которая уже начала проявлять неуместное любопытство:

— Они назвали свои имена? Или оставили контакты?

Кассир улыбнулась:

— Должны быть записи о переводе, но наши данные об оплате конфиденциальны, у меня нет доступа.

Гао Ту вернулся в офис в состоянии глубокого смятения. Он не пришел в себя, даже когда Хуа Юн позвал его на обед.

В последнее время Хуа Юн вел себя прилежно и больше не околачивался в кабинете Шэнь Вэньлана. Причина была проста: ему нужно развивать отношения с Шэн Шаою, и постоянно торчать в офисе начальника было бы неуместно.

Шэнь Вэньлан был даже рад видеть, что энигма из корпорации X усердно помогает Гао Ту с работой. Правда, иногда его удивляли их совместные обеды — ведь раньше Гао Ту, как главный помощник, всегда сопровождал его самого.

Гао Ту никогда не питал неприязни к Хуа Юну, более того, он восхищался его яркостью. А после того, как они стали чаще работать вместе, он оценил его эффективность: в отличие от мягкого и покладистого характера, в делах Хуа Юн был решителен, как и подобает выпускнику элитного вуза.

Гао Ту иногда чувствовал себя неполноценным рядом с ним, но искренне им восхищался. Гао Ту, редко обсуждавший личное на работе, не выдержал и рассказал Хуа Юну всё, что произошло утром в больнице.

— Секретарь Хуа, что мне делать? — Гао Ту сидел перед едой, которую Хуа Юн принес из столовой, но был слишком погружен в мысли, чтобы съесть хоть кусочек.

— Трое альф S-класса? — Хуа Юн нахмурился, голос его невольно стал громче. Он-то знал, что платить могли лишь двое: Шэнь Вэньлан и Шэн Шаою. Откуда взялся третий?

Гао Ту поспешно прикрыл ему рот рукой:

— Секретарь Хуа, потише.

Раздался призрачный голос Шэнь Вэньлана:

— Гао Ту, убери руку. Посмотрите на себя, что за вид? Вы хотите, чтобы у HS была плохая репутация?

Гао Ту смущенно опустил руку:

— Простите, господин Шэнь, я потерял самообладание.

Хуа Юн на этот раз промолчал. Если кто и должен был раскрыть намерения Шэнь Вэньлана, то только он сам, а Хуа Юн в это вмешиваться не собирался.

Атмосфера стала напряженной.

С тех пор как Гао Ту вернулся после отпуска, Шэнь Вэньлан начал от него отдаляться. В тот день, помогая Хуа Юну с переездом, Шэнь Вэньлан наговорил Гао Ту лишнего, и стоило ему вспомнить его бледное лицо, как на душе становилось еще тяжелее.

Если бы не частые обеды Хуа Юна и Гао Ту, он бы не пришел сегодня в столовую.

Но едва войдя, он увидел, как Гао Ту зажимает рот Хуа Юну, а тот даже не сопротивляется.

— Господин Шэнь, садитесь, я принесу вам еду, — Гао Ту вскочил и быстро удалился. Шэнь Вэньлан не успел даже придумать тему для разговора с Хуа Юном, как тот уже вернулся.

Шэнь Вэньлан увидел, что на подносе были его любимые блюда, и решил, что в будущем должен сдерживать свой скверный нрав при Гао Ту. Однако в следующую секунду кусок застрял у него в горле. Гао Ту с благодарностью произнес:

— Господин Шэнь, спасибо, что оплатили счет в Хэцы за мою сестру.

В Хэцы деньги сгорают быстрее бумаги.

Гао Ту, почти сирота, давно привык в одиночку справляться с жизненными трудностями, будь то бедность или что-то еще.

Шэнь Вэньлан твердил себе, что оплатил счета лишь для того, чтобы Гао Ту не подрабатывал в Тяньдихуэй и не вредил работе. Но сейчас он не знал, что ответить при Хуа Юне, поэтому лишь сухо бросил:

— Это небольшие деньги, главное, что проблема решена.

— Спасибо, господин Шэнь, я буду вычитать эту сумму из своей зарплаты каждый месяц...

Лицо Шэнь Вэньлана помрачнело, тон стал резким:

— Хватит. Я буду платить тебе зарплату, чтобы ты возвращал её мне? А как же ты и твоя сестра? Будете каждый день стоять на перекрестке и питаться воздухом?

— Я...

— Всё, секретарь Гао, хватит фантазировать, просто работай. Как только проект по разработке лекарств будет завершен, твои бонусы покроют стоимость операции. — Шэнь Вэньлан отложил палочки и вышел.

Гао Ту посмотрел на нетронутую еду Шэнь Вэньлана, затем на молчаливого Хуа Юна и горько усмехнулся.

Хуа Юн одарил его мягкой, утешающей улыбкой:

— Поздравляю, секретарь Гао. Господин Шэнь только что пообещал вам прибавку.

Кажется, Шэнь Вэньлан только что стал чуточку умнее.

<http://bllate.org/book/19429/1902859>